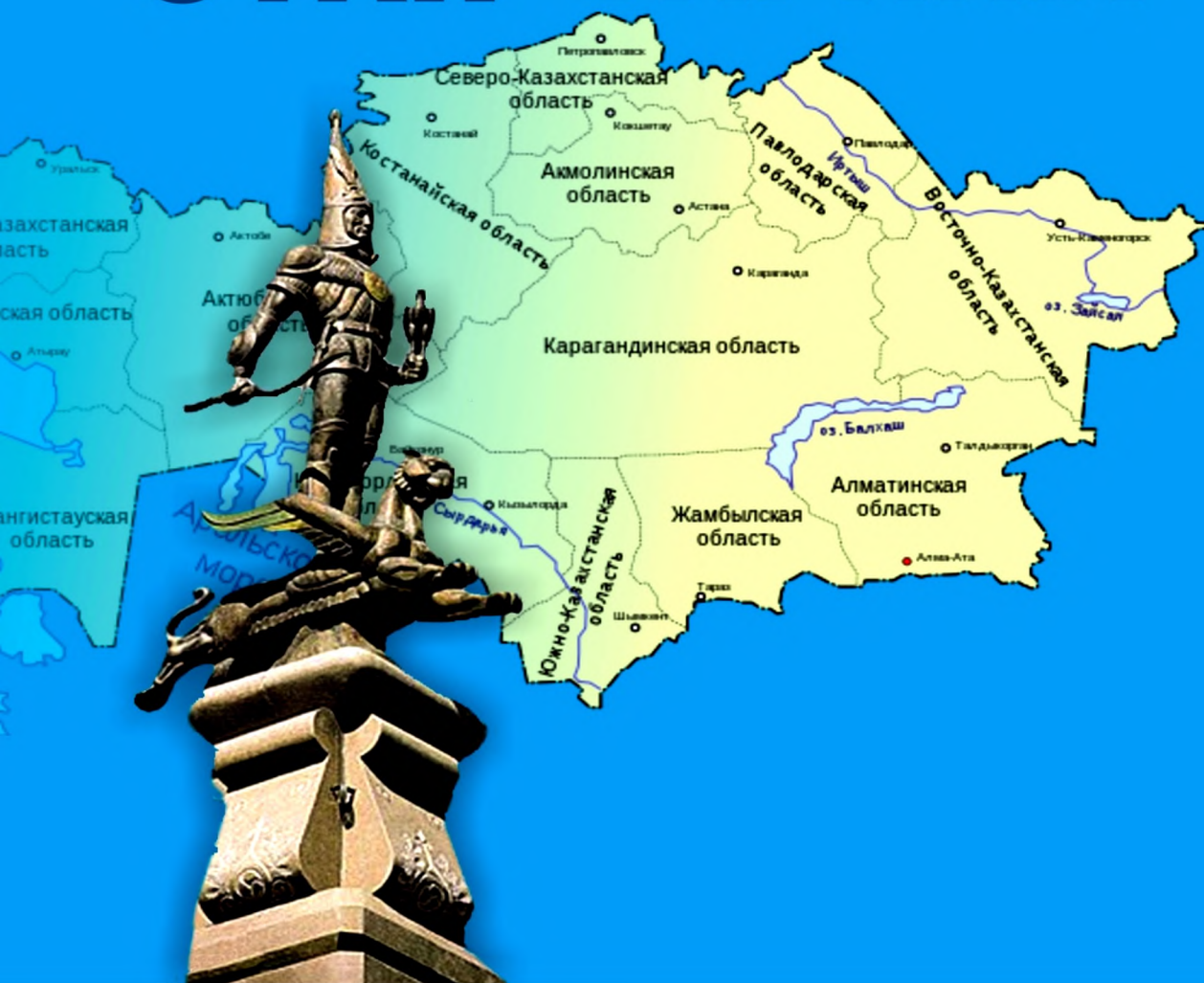

Қазақстан Республикасы
Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ш.Ш.Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ISSN 1814-6961

ОТАН ТАРИХЫ

Н.А. Атыгаев

(зам. директора по научной работе Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, к.и.н., доцент)

З.А. Джандосова

(кандидат исторических наук)

Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения ‘Алам-ârâ-йи шâх исмâ‘ûл¹

Аннотация

В работе вводятся в научный оборот сведения малоизвестного персоязычного сочинения *‘Алам-ârâ-йи Шâх Исмâ‘ûл* по истории Казахстана XVI века. Автор данного сочинения неизвестен, труд относится к Сефевидской историографии. В работе представлены предварительные результаты изучения исторического источника, приводятся переводы-извлечения из *‘Алам-ârâ-йи Шâх Исмâ‘ûл*, отражающие взаимосвязи Казахского ханства времени Касым-хана с соседними народами и государствами, представления соседей о казахском государстве.

Ключевые слова: Казахстан, казахи, Иран, Сефевиды, письменные источники, Чингизиды, Джучиды, Шибаниды, Улус Джучи, Казахская государственность, Казахское ханство, Касим-хан, Исмаил-шах, узбеки.

С 2012 года в рамках программ Грантового финансирования в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова разрабатывается проект «Казахи и казахская государственность позднего средневековья в источниках Сефевидского круга».

Как известно, для исследования позднесредневековой истории Казахстана первостепенное значение имеют исторические сочинения на персидском языке. Достаточно сказать, что из 16 сочинений, извлечения из которых вошли в известный сборник «Материалы по истории Казахских ханств XV–XVII вв.», 9 были написаны на персидском языке. Они являются наиболее ценными в информативном плане.

Персоязычных источников по истории Казахстана известно немало. Некоторые из них были введены в научный оборот еще в XIX веке, другие стали доступны уже в советское время. Сведения, содержащиеся в этих сочинениях, носят различный характер. Имеются несколько сочинений агиографического характера, которые дают материал, пусть и незначительный, по религии казахов. В других имеются данные о хозяйственной жизни казахов. Третьи же дают материал по этнической истории. Основная часть персоязычных сочинений содержат сведения по политической истории. Именно в них можно выявить важный материал по изучению истории средневековой казахской государственности.

Среди многочисленных письменных исторических источников на персидском языке для изучения позднесредневековой истории казахов и казахской государственности до настоящего времени слабо привлекались историко-географические сочинения, написанные в Сефевидском (Кызылбашском) государстве в XVI-XVII веках.

Рукописи Сефевидских сочинений хранятся в различных книгохранилищах мира. В известном обзоре персидской литературы английского востоковеда Ч.А. Стори указано более семидесяти таких сочинений, известных в разных списках [1, с. 850-904]. Значительное количество рукописей имеется в библиотеках Исламской Республики Иран: в Национальной библиотеке и Национальном архиве, в

¹ Работа выполнена в рамках программ грантового финансирования ГФ-0074, ГФ-0354.

библиотеках Маджлиса, Тегеранского университета, Хаджи Хусейна Малека, в Архиве МИД ИРИ и др. Иранские ученые проводят большую работу по изучению и введению в научный оборот этих сочинений.

Одним из таких сочинений является анонимная рукопись под условным названием *‘Алам-арâ-йи Шâх Исма‘ул*, впервые изданная в 1971 году в Ширазе Асгаром Мунтазаром Сахибом. В 2005 году сочинение было переиздано в Тегеране [2]. *Алам-арâ-йи Шâх Исма‘ул* посвящен жизнеописанию (или, как пишет издатель А. М. Сахиб, «эпическому жизнеописанию») основателя Сефевидского государства шаха Исма‘ула I. Авторство рукописи не установлено. Сведения об авторе, крайне скудные, ограничиваются материалом самого текста. Прямых указаний на социальное происхождение и социальное положение автора нет, хотя относительно простой, «разговорный» стиль изложения и почти полное отсутствие поэтических вставок могут, вероятно, говорить не о самом высоком уровне образования сочинителя. Тем не менее, при изложении исторических событий автор использует имевшиеся в его распоряжении исторические сочинения и умело компилирует информацию, в случае необходимости дополняя собственными сведениями, порой очень подробными. Это делает текст легко читаемым и информативным. Опираясь на текст книги, можно предположить, что автор был шиитом. Особенности его лексики указывают на то, что он мог быть выходцем из Северного Ирана или Азербайджана, однако это может быть связано с компиляцией из другого источника. Против тюркского происхождения автора могут свидетельствовать и некоторые места текста, например, унижительные слова *Исма‘ул-шаха* в отношении тюрков: «Куда хочешь убежать, глупый тюрк?» [2, с. 493].

Издатель сочинения Асгар Мунтазар Сахиб время написания *‘Алам-арâ-йи Шâх Исма‘ул* датирует 1675/76 годом [2, предисловие]. По мнению Ч. А. Стори, труд мог быть написан раньше, а в 1675/76 году отредактирован [1, с. 858]. В тексте сочинения отсутствует точная датировка событий, и лишь указывается месяц или время года; иногда дата уточняется автором на полях рукописи с помощью какого-нибудь источника. В некоторых случаях изложение следует день за днем, однако также без указания даты.

Некоторые сведения источника носят, на первый взгляд, сугубо легендарный характер. Несмотря на это, они представляют для нашей истории значительный интерес, так как переданы непредвзятым историком, не заинтересованным в восхвалении казахов, и, по всей видимости, взяты из другого или других, более ранних по времени, письменных источников, а также из источников устных. Поэтому можно сказать, что автор сочинения отражает взгляды и представления сефевидских историков о казахах и Казахской степи того времени и создает совершенно определенный политико-географический образ позднесредневекового Казахстана.

Вопрос об источниках *‘Алам-арâ-йи Шâх Исма‘ул* необходимо еще изучить. Анонимный историк при написании своего сочинения, несомненно, опирался на какие-то труды. Асгар Мунтазар Сахиб отмечает, что «хотя у самого автора, вероятно, не было высокого образования, он пользуется достоверными и авторитетными историческими источниками и опирается на них в ходе изложения основных исторических событий. Иногда он считает уместным дополнять данные источников собственной информацией, в других же случаях пускается в подробности и детали, ... автор дословно или в сокращенном виде переписывает текст используемого им источника ... Те части или страницы книги, которые содержат канцелярские обороты, являются, как уже было сказано, заимствованными из источников, находившихся в распоряжении автора, который ничем не смущался, целиком присваивая эти тексты» [2, предисловие]. По его мнению, одним из источников было известное сочинение *Ахсан ат-таварих*, принадлежащее перу знаменитого сефевидского историка начала XVI века Хасан-бека Румлу: «Большинство примечаний, показывающих расхождения в тексте данной книги с текстом с *Ахсан ат-таварих*, свидетельствуют в пользу того, что автор книги использовал *Ахсан ат-таварих*» [2, предисловие]. На наш взгляд, более вероятно предположение издателя о том, что «авторы обоих сочинений пользовались каким-то третьим источником» [2, предисловие]. Этим источником, по нашему мнению, могло быть сочинение *Та‘рих-и Шâх Исма‘ул* анонимного историка XVI века, единственная рукопись которого хранится в Великобритании (307 листов с 21 миниатюрой) [1, с. 853; 3, р. 249-340].

Сочинение *Та‘рих-и Шâх Исма‘ул* (или *Та‘рих-и Шâх Исма‘ул Сафави*), как отмечает Ч. А. Стори, написано «в царствование шаха Тахмаспа (930 – 984/1524 – 1576)». Оно заканчивается вступлением на престол шаха Тахмаспа и в значительной части совпадает с *Хабиб ас-сийар* Гийâс ад-Дûна Хâндамîра [1, с. 853]. Большинство исследователей относят время написания *Та‘рих-и Шâх Исма‘ул* к первой половине XVI века [3, р. 249-251; 4, с. 247; 5, с. 9], а азербайджанский историк О. Эфендиев более конкретно указывает, что сочинение было написано в промежутке времени между 1540 и 1548 г. Сопоставив его с другими первоисточниками по истории правления шаха Исма‘ула I – *Футухât-и шâхи*,

Хабиб ас-сийар, он приходит к выводу, что «рассматриваемое сочинение является наиболее полным, точным и подробным рассказом о правлении шаха Исма'ула I, истории образования Сефевидского государства в Азербайджане и сопредельных странах в первой четверти XVI века». Исследователь предполагает, что автор данного сочинения лично участвовал в первых походах Исма'ил-шаха [6, с. 12-13].

Узбекский историк Д. Ю. Юсупова считает, что автор *Та'рих-и-Шах Исма'ул* при написании своей работы использовал *Хабиб ас-сийар* [7, с. 34]. Английский востоковед Денисон Росс, сравнив сведения *Та'рих-и-Шах Исма'ул* и *Хабиб ас-сийар*, все же отдал предпочтение первому сочинению. Исследователь отмечает, что, несмотря на очень близкое соответствие внутреннего содержания и структуры сочинения (заголовки глав, формулировки и т.п.) этих источников, в *Та'рих-и-Шах Исма'ул* «есть много биографических и географических подробностей», которые отсутствуют в работе Хандамира («there are many biographical and geographical details in our history which are not to be found in the work of Khwandemir») [3, p. 251]. По мнению азербайджанского исследователя Ш. Ф. Фарзалиева, некоторые сведения *Та'рих-и-Шах Исма'ул* были использованы Хасан-беком Румлу [8, с. 14]. Ранее, еще в 1937 году, это же отмечал и В. Минорский [1, с. 853].

Нужно отметить мнение Асгара Мунтазара Сахиба о том, что автор *Алам-ара-йи Шах Исма'ул* «не пользовался таким известным и авторитетным источником, как *Хабиб ас-сийар*, и, скорее всего, не был с ним знаком» [2, предисловие].

В связи с этим, сопоставительный анализ *'Алам-ара-йи Шах Исма'ул* и *Та'рих-и-Шах Исма'ул* является одной из первоочередных задач, хотя О. Экаев, сравнив их, а также третье схожее сочинение *'Алам-ара-йи Сафави*, изданное в Иране Й. Шукри, пришел к выводу, что «все три сочинения: «Алам ара-и Сефеви», «Алам ара-и шах Исмаил» и «Тарих-и шах Исмаил» в основной своей части совпадают. Возможно, в дальнейшем текст «Алам ара-и Сефеви» был отредактирован уже в XVII в. Редактор XVII в. упростил язык источника и в отдельных случаях дополнил некоторыми ценными материалами. Он уточнил отдельные бегло изложенные материалы в «Тарих-и шах Исмаил», отбросил лишнее, а также осветил эти события полнее и ярче» [5, с. 9].

В данной работе мы представляем предварительные результаты изучения *'Алам-ара-йи Шах Исма'ул* и приводим некоторые имеющиеся в данном источнике сведения о казахах и Казахском ханстве. Разумеется, мы не утверждаем, что все сведения источника абсолютно достоверны, и в дальнейшем предстоит изучить степень их аутентичности, сравнив их с материалами других источников. Публикуя сведения *'Алам-ара-йи Шах Исма'ул*, мы ставим целью способствовать данной задаче, предоставив другим специалистам возможность дальнейшего их изучения.

В рассматриваемом источнике казахи впервые упоминаются в главе «О выступлении Шâхîбек-хана ибн Абу-л-Хайр-хана и отнятии им Туркестана у потомков эмира Тîмура Гургâни и о последующих событиях».

Речь идет о завоевании Мавара'-н-нахра Мухаммадом Шайбани-ханом в 905/1499 году (Шâйбанî-хан в тексте сочинения именуется Шâхîбек-ханом)

Приводим извлечения:

«При виде таких изменений в Туркистанe [речь идет о междоусобной борьбе Тимуридов Мâvâра'-н-нахра] у Шâхîбек-хана родилось желание завоевать Туркистан, и он подал государю Дашт-и Кипчака Кâсим-хану такое прошение [*'ариза*]:

«Старшего [надо мной] хана и наместника Чîнгîз-хана уведомляю, что до сих пор солнце удачи потомков Чингîз-хана скрывалось за облачной завесой судьбы, однако теперь, слава Аллаху, кромешная ночь этой династии сменяется светлой зарей. И, если позволит Всевышний, светлые лучи солнца Чингîз-хана вновь взойдут на востоке, и мир вновь вызовет зависть Рая правлением этой династии. Известия о правителях Туркистана зародили во мне желание выступления [на Туркистан]. Обращаюсь к хану старшего хана и наместнику Чингîз-хана с просьбой проявить сочувствие и дать в помощь просителю двенадцать тысяч человек, чтобы они, вместе с войском, собравшимся в настоящее время под началом просителя, выступили на Самарканд, отобрали столицу у потомков *амира* Тîмура, а оттуда направились в Андижан и изгнали оттуда Бâбур-мирзу, сына 'Умар-Шайха, с тем, чтобы вследствие похода старшего хана потомки Чингîз-хана вновь завладели наследственной короной и престолом» [2, с.252].

Прокомментируем этот отрывок. Казахского хана Кâсима (Касым-хан) в тексте исследуемого сочинения называют по-разному: правителем (*падишах*) Дашт-и Кипчака (Кипчакской степи), как в данном случае, а также правителем Дашт-и Баглâна (Багланской степи), просто Дашта (Степи) или Баглана (Баглан – местность близ Хивы [9, с. 147]). Он упоминается в изучаемом тексте более десяти раз.

Очень интересно здесь обращение Мухаммада Шайбани-хана к Касим-хану как к «старшему хана и наместнику Чингиз-хана» и подача на его имя «прошения [*'ариза*]». Это свидетельствует о более сильной на тот момент позиции Касим-хана, по отношению к которому Шайбани-хан вынужден был не только выступать просителем, но и соблюдать ритуал покорности. Шайбани-хан считает себя старшим ханом (*хân-и калân*; можно перевести также как «большой хан» или даже «великий хан»), но, соблюдая условности и желая достигнуть цели, а также учитывая реальную силу Касим-хана, он вынужден назвать казахского правителя «ханом старшего хана» (*хân-и хân-и калân*) или «более старшим ханом» (*хân-и калântар*). Важным аргументом оказания ему помощи казахским ханом Мухаммад Шайбани считает необходимость восстановления в Мавара'-н-нахре власти Чингизидов (к которым принадлежали и он сам, и Касим-хан), и ликвидации власти «узурпаторов» – Тимуридов. Он просит казахского хана дать ему воинов для похода в Мавара'-н-нахр против Тимуридов для того, чтобы «потомки Чингиз-хана вновь завладели наследственной короной и престолом».

Здесь интересно сравнить это высказывание Мухаммада Шайбани-хана с его словами, сказанными историку Ибн Рузбихану: «Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, то не из жажды царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорее в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли» [10, с. 95- 96].

Согласно нашему источнику, «когда прошение Шâхîбек-хана достигло государя Дашт-и Кипчака Касим-хана, он согласился удовлетворить его и отправил на помощь [Шâхîбек-хану] столько воинов, сколько тот просил» [2, с. 252]. Таким образом, Шайбани-хан просил двадцать тысяч воинов, Касим-хан удовлетворил его просьбу. А поскольку далее говорится, что Шâхîбек-хан подошел к Самарканду с двадцатитысячным войском, из этого можно сделать вывод, что все войско Шайбани-хана составляли степняки-казахи.

Благодаря *'Алам-арâ-йи Шâх Исма'ил*, мы впервые узнаем о сыне Касим-хана Абу-л-Хайр-хане (Абулхайре). Его имя не встречается в других известных нам источниках, однако это не означает, что у Касим-хана не было такого сына.

Согласно нашему источнику, выполняя приказ Касим-хана, Абу-л-Хайр-хан с войском в восемьдесят тысяч человек занял Ташкент. Владея Ташкентом, он оттуда дважды «угрожал Самарканду». Когда эта угроза возникла в первый раз, «Шâхîбек-хана, водившего дружбу с Касим-ханом, это удивило, ибо он не понимал причин такой перемены. Но кто-то объяснил ему: «Вероятно, это произошло из-за того, что вы договаривались с Касим-ханом, что будете чеканить монету на его имя и прикажете упоминать его имя в пятничной молитве, а сами не выполнили это условие». Тогда Шâхîбек-хан отступил от крепости Балх и взял путь на Бухарскую крепость» [2, с. 286].

Из этого пассажа следует, что ранее, в обмен на военную помощь казахского хана, Мухаммад Шайбани-хан обещал Касим-хану признать его верховным правителем Туркистана, поскольку речь шла самых главных символических атрибутах сюзеренитета у мусульманских правителей – чеканке монеты на имя сюзерена (*сикка*) и упоминании его имени в пятничной молитве (*хутба*). Подобные символические действия должны были подкрепляться и ежегодными подношениями – своего рода вассальной данью. Ниже мы подробно вернемся к этому вопросу. Пока же заметим, что объяснение причин внезапного прерывания Касим-ханом «дружеских отношений» с Шайбани-ханом нарушением данного слова показалось последнему совершенно достаточным и заставило его немедленно прервать поход и вернуться в Мавара'-н-нахр.

В первый раз между шестидесятитысячным войском Мухаммада Шайбани-хана и восьмидесятитысячным войском Абу-л-Хайр-хана «в охотничьих местах Афрасйâба» произошло сражение, в котором победу одержало «степное войско», то есть казахи:

«Шâхîбек-хан между тем продолжал свой поход. Он успел подойти к Самарканду, когда войско Абу-л-Хайра еще не появилось у его стен. Он заинтересовался, чем занят Абу-л-Хайр-хан. Ему сказали: «Он охотится в охотничьих местах Афрасйâба». Шâхîбек-хан сказал узбекским старейшинам: «Надо незаметно подойти к нему и наказать его».

Однако от Самарканда до Ташкента сорок переходов. Он взял шестьдесят тысяч человек, вышел из Самарканда и приблизился к тем охотничьим местам. Абу-л-Хайр-хан и все его восемьдесят тысяч человек как раз были заняты охотой с ловчими птицами, как вдруг услышали звуки карнаев Шâхîбек-хана. Когда воины степного войска поняли, что происходит, Абу-л-Хайр-хан отдал приказ открыть стрельбу из луков. Все восемьдесят тысяч [его] воинов разом пустили стрелы по узбекскому войску и убили сорок тысяч человек. Шâхîбек-хан избрал путь отступления. Абу-л-Хайр-хан бросился в погоню» [2, с. 286].

И хотя во время погони «еще восемь тысяч узбекских воинов» были убиты, однако и сам «Абу-л-Хайр-хан в том сражении был ранен стрелой в руку». Не зная об этом, Мухаммад Шайбânî-хан бежал в Самарканд, опустошил его и направился в Бухару, чтобы оттуда отступить в свою вотчину Джайрân. Это означает, что Шайбânî-хан был уверен в том, что одержавшее победу в Афрâсийâбе степное войско займет не только Самарканд (который Шайбânî-хан предусмотрительно «опустошил»), но и Бухару, то есть оба главных города Мавара'-н-нахра. «Но тут пришло известие о том, что Абу-л-Хайр ранен и ушел назад в Степь. Тогда Шâхîбек-хан вернулся в Самарканд» [2, с. 287].

Здесь следует отметить, что сведения о походе казахских войск на Ташкент имеются и в других исторических источниках (*Та'рих-и Рашидî* Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата (Дулатî) и *Зубдат ал-асар* 'Абдаллаха Балхи). Правда, эти сведения относятся к первой половине 1513 года (то есть ко времени после гибели Мухаммада Шайбânî-хана), и возглавляет поход сам Касим-хан. Так, согласно Мирзе Хайдару, бывший тимуридский наместник Катта-бек уговорил Касим-хана пойти с походом на Ташкент, где в это время правил Шибанид Суйунчи-Хваджа-хан, дядя Мухаммада Шайбânî-хана. Суйунчи-Хваджа-хан, узнав о подходе казахских войск, укрепился в крепости. Войско Кâсим-хана, простояв перед городом ночь и, разграбив его окрестности, возвратилось в Сайрам [11, с. 324-325]. Иное описание этих событий встречаем в *Зубдат ал-асар* 'Абдаллаха Балхи. Согласно этому сочинению, Кâсим-хан с войском, которое состояло из казахов и мангытов (ногайцев), совершил поход на Туркестан и Ташкент. Было захвачено в плен много «беззащитных людей», однако на подступах к Ташкенту против Кâсим-хана выступил с войском Суйунчи-Хваджа-хан. Произошло ожесточенное сражение, в котором победу одержали Шибаниды. В пылу битвы Кâсим-хан получил ранение и упал с лошади, однако узбеки не узнали его, и казахскому хану удалось спастись. Разбитое войско Касим-хана вернулось в степь [9, с. 132].

Если сравнить два похода на Ташкент, первый поход Абу-л-Хайр-хана ибн Касим-хана в начале XVI века (то есть, до гибели Шайбânî-хана в 1510 году), о котором сообщает лишь наш источник *'Алам-ара-йи Шах Исма'ил*, и вышеупомнутый поход самого Кâсим-хана 1513 года, известный как минимум, по двум авторитетным источникам, то разница в существенных деталях (разные противники, разные военачальники, разный исход боя) при лишь одном совпадении в деталях (ранение казахского предводителя) заставляет предположить, что речь идет не об одном и том же походе, первый из которых является легендарным отголоском второго, а о двух совершенно разных походах. И в первом из этих походов, под водительством молодого сына казахского хана, казахи (восьмидесятитысячное войско против шестидесятитысячного) одержали убедительную победу (разумеется, реальные цифры были совершенно иными, но, вероятно, тоже не самыми маленькими) и имели шанс занять важнейшие центры Мâварâ'-н-нахра. Однако победа обернулась поражением, или была засчитана как поражение, потому что ранение полководца автоматически привело к отступлению войска.

Другим важным обстоятельством является цель похода, а именно взятие Самарканда (и, возможно, Бухары, как опасался Мухаммад Шайбânî-хан). Какова была его цель – расширение владычества степного хана до самого Мâварâ'-н-нахра или же «наказание» Мухаммада Шайбânî-хана за невыполнение предыдущих договоренностей? Источник позволяет дать ответ на этот вопрос.

Ранение сына и обернувшаяся поражением победа сильно огорчили Кâсим-хана; и, поскольку цель его не была достигнута, он продолжал упорствовать в своих намерениях:

«Раненый Абу-л-Хайр-хан, потерпев поражение от Шâхîбек-хана у Самарканда, вернулся в Багланскую степь к Кâсим-хану и доложил ему обо всем случившемся. Кâсим-хан очень расстроился, но решил подождать, пока его [Абу-л-Хайр-хана] рана не затянется. Потом он приказал Абу-л-Хайр-хану взять войско и выступить на Самарканд. Известие об этом достигло Шâхîбек-хана у стен крепости Дâмгân [в Хорâсâne] В полной растерянности он говорил: «Если я сниму осаду с этой крепости и отступлю, кызылбаши перестанут со мной считаться, но если останусь, взять эту крепость будет трудно, а Абу-л-Хайр-хан тем временем разорит весь Туркистân» [2, с. 315 – 316].

Таким образом, мы видим, что в результате второго похода (состоялся, вероятно, в 1510 году) казахов на Самарканд шибанидский государь снова оказался в трудной ситуации, связанной с необходимостью вести борьбу на два фронта, против кызылбашской армии Сефевидов и против наступающих с севера казахов, угрожающих «разорить весь Туркистân» (совершенно очевидно, что в этом контексте, Туркистâном называется не город Туркистân, а обширная область, возможно, синонимичная Мâварâ'-н-нахру²). Тем не менее, Шайбânî-хан успел захватить крепости Дâмгân и Герат

² Далее в тексте источника Туркистан определяется как «все пространство от берегов реки Джайхун до Кипчакской и Багланской степи» [*Алам-ара-йи Шах Исма'ил*, 1384/2005, с. 411].

и получить передышку, необходимую для обороны Самарканда. Вернувшись в Самарканд, он получил известие о подходе казахских войск:

«В это время ему [Шайбânî-хану] донесли, что Абу-л-Хайр-хан находится уже в пяти переходах от Самарканда. В ужасе Шâхîбек-хан бросился в крепость, приказал укрепить ворота земляными насыпями и приготовился держать осаду. Абу-л-Хайр-хан и его несметное войско встали лагерем у стен крепости. Шâхîбек-хан стал совещаться с узбекскими старейшинами: что же предпочтительнее: дать сражение Абу-л-Хайр-хану или заключить с ним мир? Посоветовавшись, они решили, что мир лучше войны. Шâхîбек-хан сказал: «Можно испытать его покорность» и наказал парламентария (илчи): «Ступайте к Абу-л-Хайр-хану и поговорите с ним о мире. Если он согласится заключить мир, сообщите мне, если же нет, будем готовиться к бою».

Парламентарий отправился к Абу-л-Хайр-хану и повел с ним переговоры о мире. Абу-л-Хайр-хан был человек умный. Он велел передать Шâхîбек-хану: «Вы с нашим отцом, старшим ханом, договаривались, что ежели вы станете государем Туркистана, то будете чеканить монету с его именем, а в пятничной молитве прикажете упоминать его имя прежде вашего. Вы это условие нарушили и сошли с праведного пути. Но раз уж вы намерены заключить дело миром, вам следует лично прибыть ко мне и, подтвердить прежние условия, в том числе обязательства ежегодно посылать такие-то подношения ко двору старшего хана [т.е. Кâсим-хана], и ради его спокойствия признавать его верховным государем всего Туркистана. А если у вас случится с кем-то распря или война, то ответ будет за старшим ханом».

Он отпустил парламентария, и тот явился к Шâхîбек-хану и доложил ему о случившемся. Шâхîбек-хан согласился встретиться с Абу-л-Хайр-ханом, и они обо всем договорились. Они возобновили все прежние договоренности, и Абу-л-Хайр-хан откочевал в Багланскую степь [2, с. 321- 322].

Этот эпизод проясняет, во-первых, соотношение сил между узбекской и казахской сторонами, а во-вторых, раскрывает цели и намерения Кâсим-хана. Казахское войско своей «несметностью» вызывает ужас правителя Мâварâ' -н-нахра, и он не решается дать Абу-л-Хайр-хану сражение, как в прошлый раз (ибо в прошлый раз он понес большие потери и потерпел бы сокрушительное поражение, если бы Абу-л-Хайр-хан не был ранен). Приготовившись к долгой осаде, он затевает переговоры с противником, пытаясь выяснить цели нового самаркандского похода казахов – цели и намерения Касим-хана. Поскольку эти переговоры заканчиваются заключением мира и отводом казахских войск, можно предположить, что предложения-уступки Мухаммада Шайбани-хана показались казахскому военачальнику более выгодными, чем осада или бой с неясным исходом. Большое значение имела и личная встреча – обещания, «слово», данное с глазу на глаз. Возобновление прежних договоренностей подтверждает, что в свое время, прося у Кâсим-хана как у старшего над ним хана (*хân-и калâнтар*) армию для достижения собственных политических целей, узбекский хан обещал казахскому хану и впредь признавать его – ни много ни мало – своим сюзереном. Поскольку Абу-л-Хайр-хан, имея сильную, потенциально готовую выиграть сражение, армию, согласился уйти из Мâварâ' -н-нахра после того, как Шайбânî-хан признал себя вассалом Касим-хана, можно утверждать, что целью казахского хана было не завоевание (или «разорение») Туркистана/Мâварâ' -н-нахра или его части, а «наказание» Шайбânî-хана за нарушение прежних договоренностей и утверждение (или, вернее, восстановление) собственного сюзеренитета (или, по крайней мере, символического главенства) над шибанидским правителем Средней Азии. Готовность упорно воевать за восстановление не реального, а достаточно условного, формального главенства и чисто символического, «ради его спокойствия», сюзеренитета, говорит о значимости такого рода иерархической лестницы и чрезвычайной престижности нахождения на ее верху. Так дипломатия и вовремя проявленная учтивость смогли предотвратить новое кровопролитное сражение.

Разумеется, честолюбивый Мухаммад Шайбânî-хан, правитель Мâварâ' -н-нахра, который вел многолетнюю войну с иранским государством, не собирался выполнять свое устное обещание признать хана Кипчакской степи верховным правителем всей Средней Азии. Он давал такие обещания, но не выполнял их. Более того, в разговоре со своими советниками, узбекскими старейшинами, он собирался даже протестировать «покорность» (вассалитет?) своего противника – Абу-л-Хайр-хана. Это говорит о том, что стороны имели на тот момент приблизительный паритет военных сил и предпочли сохранить шаткий, но устраивающий обе стороны status quo: узбекский хан владеет Мâварâ' -н-нахром и получает возможность, с помощью обещанных ему казахских войск, бороться с Сефевидами за Хорâсân, казахский же хан владеет Ташкентом, присырдарьинскими городами (в реальности за эти районы по-прежнему шла неустанная борьба) и Степью и поднимает свой престиж, считаясь верховным государем.

Казахи упоминаются далее в главе, повествующей о борьбе между Шибанидами и Тимуридом Захър ад-Дѣном Бабуром. После гибели Мухаммада Шайбани-хана в 1510 году в битве с сефевидским войском Исма'їл-шаха Шибаниды были ослаблены. С помощью кызылбашской армии Захър ад-Дин Бакур вернул под свою власть значительную часть Маварâ'-н-нахра. Эти события хорошо известны и из других источников, в частности, из *Та'рих-и Рашиди* Мирзы Хайдара.

Согласно *'Алам-арâ-йи Шâх Исма'їл*, оказавшись в трудном положении, Шибаниды (племянник Мухаммада Шайбани-хана ³ Убайдаллах-хан³, его сын Мухаммад Тимур-хан⁴, Джанибек-султан⁵ и другие) вынуждены были обратиться за помощью к Кâсим-хану:

«Убайд-хан, в страшной панике и с пустыми руками бежавший вместе со своим гаремом в Джайран, откуда берет свое начало Багланская степь, подал прошение государю Багланской степи Кâсим-хану и поведал ему о своем поражении [от Бабура] и своем печальном положении. Кâсим-хан прислал ответ: «Оставайтесь пока в Джайране, а летом что-нибудь придумаем» [2, с. 406].

Вскоре Шибанидам удалось объединиться, разбить сефевидскую армию и изгнать Бабура из Маварâ'-н-нахра, однако их положение было непрочным. Кызылбашская армия снова выступила против них:

«Поправив свое здоровье, Его Величество, Тень Бога на земле [Исма'їл-шах], выступили из крепости Шâдмân в сторону Бухары и Самарканда. Джâнибек-султан бежал из Балха туда, к Убайд-хану, и рассказал ему о случившемся. Убайд-хан тут же оставил Бухару, и они поспешили в Самарканд. Прибыв ко двору Мухаммад-Тимур-хана, они стали совещаться: «Что же нам делать? Ведь Сын Шайха [Исма'їл-шах] поклялся в отмщенье за кровь эмира Наджм ас-Санѣ⁶ устроить всем жителям Туркистана и даже обитателям Степи такую массовую резню, какую можно сравнить только с кровопролитием, учиненным Чингѣз-ханом! Теперь нам нужно бежать или в леса Чина или в моря Мачина, где никто нас не выследит и не выдаст. Если же мы немедленно не бежим в Чин и Мачин, то погибнем!»

Мухаммад-Тимур-хан сказал: «Почему бы нам не бежать к тому государю (*падишах*), сыну нашего дяди, рабами которого являются все государи Чина и Мачина?» [2, с. 482].

Речь идет не о ком-нибудь, а о казахском хане Кâсима, и приведенный диалог (хорошо передающий тот разговорный стиль, которым написан весь источник), при всей его «сочиненности», говорит об авторитете Кâсим-хана в Маварâ'-н-нахре и – косвенно – о его репутации у историков сефевидского круга.

Вынужденные в очередной раз просить помощи у казахского хана, Шибаниды начинают думать, кого делегировать к хану, и выбирают самого старшего – Джâнибек-султана, объясняя свой выбор уважением Кâсим-хана к сединам просителя и его похвальными качествами:

«Убайд-хан спросил: «Мы все поедem или кто-то один из нас?»

Мухаммад-Тимур-хан сказал: «Поскольку Джâнибек-султан – человек уже седобородый, и Касим-хан заочно отзывался о нем очень похвально, манеры его ему очень нравились, и он считает он его человеком благожелательным и достойным представлять нас, нужно, чтобы просьба исходила от него [Джâнибек-султана]. Если Кâсим-хан уважит его просьбу и пришлет войско, мы сможем одолеть Сына Шайха». После долгих переживаний и совещаний они снабдили Джâнибек-султана бесконечным числом прекрасных подарков для Касим-хана и письмом к нему от Мухаммад-Тимур-хана и Убайд-хана, в котором говорилось об их плачевном положении и о силе и могуществе кызылбашей. Наконец Джâнибек-султан выехал к Кâсим-хану, правителю (*падишах*) Степи».

³ Шибанид Убайдаллах-султан, он же Убайдаллах-хан (1484 – 1539), правитель Бухары (1513 – 1539), бухарский хан (1512 – 1539, формально с 1533), сын брата Мухаммада Шайбани-хана Махмуд-султана

⁴ Шибанид Мухаммад-Тимур-султан (ум. 1514) – младший бухарский хан (1507 – 1513), правитель Самарканда (1510 – 1512, 1513 – 1514), Герата (1513), сын Мухаммада Шайбани.

⁵ Шибанид Джâнибек-султан (ум. 1529) – правитель Ферганы (1512), Миянкалы (1512 – 1529), внук Абу-л-Хайр-хана.

⁶ Наджм ас-Санѣ (наст. имя Йар Ахмад Хузâнѣ) – иранский полководец, погибший во время похода кызылбашской армии на Бухару, в 918/1512, по версии нашего источника – от руки Шибанида Убайдаллах-хана. [*Алам-арâ-йи Шâх Исма'їл*, 1384/2005, с. 440].

⁷ Чин и Мачин – представление средневековой персидской географии о Китае и странах, лежащих «дальше Китая». Идиоматически выражение означает «край света». Следовательно, эту экспрессивную фразу не следует понимать так, что китайский император был вассалом Кâсим-хана. Она может быть интерпретирована так: Шибаниды считают власть Кâсим-хана огромной, а его авторитет – выходящим далеко за пределы Степи, которой он правит. «Бежать в Чин и Мачин» тоже значит – «спрятаться куда дальше».

Представляет большой интерес описание приема Джанібек-султана Касим-ханом:

«Преодолев долгий путь, Джанібек-султан прибыл в Степь. Касим-хану доложили о прибытии Джанібек-султана. Касим-хан отправил ему навстречу степных аксакалов, и те, оказав Джанібек-султану должный почет и уважение, препроводили его к Касим-хану. Приглядевшись, он [Джанібек-султан] увидел Касим-хана, который, как свирепый див, восседал на Чингизхановом троне, сделанном из чистого золота; и четыре угла этого трона были сделаны в виде льва, леопарда, тигра и дракона. На голове у него была украшенная драгоценными камнями корона Чингиз-хана стоимостью в семьдесят тысяч туманов. У него были очень светлые глаза, густые черные брови, длинные усы и несколько длинных волосин на подбородке, и еще три очень длинных волоса – один на правом соске, другой на левом, и третий над пупком, и все это – признаки настоящего преемника Чингиз-хана. У кого из потомков Чингиз-хана волосы растут таким образом, тот и становится его преемником. Тысяча двести эмиров сидели вокруг на скамьях. Бурум-аталык, советник, сидел по левую руку, а справа на красивом сиденье, поджав ноги, сидел сын его [Касим-хана], Абу-л-Хайр-хан. На голове у него была узбекская шапочка, обернутая чалмой с желтой каймой, куда была вставлена булавка, украшенная драгоценными камнями» [2, с. 483].

Конечно, это описание внешности казахского хана, трона, деталей костюма, при явной склонности писателя к преувеличению и вымыслу, очень любопытно и требует дальнейшего изучения. Однако не менее интересен и следующий пассаж, описывающий представление автора нашего источника о владениях казахского хана:

«Там присутствовали и другие эмиры Страны Востока и Туркистана, простирающейся на север до берегов реки Идил (Итиль) по ту сторону Степи, а с запада [на восток] до Китайской степи тысячи и одного луга, начиная с Аг-и Джайран, где водится китайский олень, обладающий благовонным мускусом, и [на юг] до равнины Ташкентских гор и Баркента, граничащих со Степью на юге; там лежит около тысячи городов и селений, хаким области назначается Касим-ханом, а подданные наполовину кафиры, наполовину – мусульмане».

Таким образом, мы имеем описание территории Казахского ханства: с запада на восток от Волги до Китая, и с севера на юг от никак не устанавливаемой границы Степи до Ташкента и Баркента, включая область «тысячи городов и селений» (очевидно, область присырдарьинских городов?), наместник которой назначается правителем Степи. По мнению безымянного автора нашего источника, и внушительный вид восседающего на золотом троне хана, и представительное собрание «эмиров» со всех концов столь обширного государства не могли не произвести впечатление на прибывшего Шибанида:

«При виде такого собрания, Джанібек-султан встал на колени и сначала вознес молитвы во здравие Касим-хана, а после молитв и славословий повернулся к Абу-л-Хайр-хану и тоже низко поклонился ему. После этого он выразил покорность Касим-хану [от имени] Мухаммад-Тимур-хана и Убайд-хана. Касим-хан велел Бурум-аталыку взять Джанибек-султана за руку, подвести к нему и с почетом усадить по правую руку от него. Затем Касим-хану были преподнесены подарки, привезенные Джанібек-султаном, после чего были поданы шербет и разные яства. Касим-хан расспросил Джанібек-султана об обстоятельствах войны с кызылбашами, и тот рассказал ему все, как было, от прихода [войска] эмира Наджмас-Сани, массовой резни и кровопролития в Туркистане и [установления] ига кызылбашей над узбеками, до появления там Его Августейшего Величества [Исмаил-шаха]. Касим-хан вскипел гневом и воскликнул: «Я обрушу такое несчастье на Сына Шайха и его кызылбашей, что после этого ни одному падишаху не захочется идти в Туркистан! До сих пор я не имел точных сведений о положении узбеков и о численном превосходстве кызылбашей над ними. Какой позор случился с родом Чингиз-хана из-за этого несчастного дурака⁸! После Шахибек-хана не оказалось никого, кто смог бы стать ему достойным преемником! [...] Что ж, теперь я пошлю с войском своего сына Абу-л-Хайр-хана – того, кто храбрее и отважнее, чем я сам! Не успеет он перейти реку Джайхун, как все кызылбаши и сам Сын Шайха станут пустыми трупами!» [2, с. 484 – 485].

Помимо интересного описания ритуала выражения вассальной покорности (*итâ' ат*), которое осуществляется в данном случае и напрямую, и через посредника, внимание останавливают следующие три момента. Первое – это тема информации и информированности степного хана о событиях, происходящих не так далеко за пределами Степи. Мы видим, что хан сетует на недостаток такой

⁸ Явно имеется в виду Мухаммад-Тимур-хан, сын Шахубек-хана (прим. издателя)

информации, особенно точной информации, из-за которого у него сложилось недостаточно ясное представление о шибанидско-сефевидских войнах. Второе – это идея единства Чингизидов и необходимости их солидарности друг с другом, а также представление о том, что позор одной ветви Чингизидов ложится на всех Чингизидов, и смыть его должны те из Чингизидов, кто может это сделать. Кâсим-хан рассматривает себя как главу рода Чингизидов и, фактически не раздумывая, собирается решить эту проблему своими силами. В отместку за Чингизидов-Шибанидов от собирается послать против иранского шаха казахское войско под командованием своего сына Абу-л-Хайр-хана, в храбрости и военном таланте которого он уверен. Третий момент – высокая оценка Кâсим-ханом покойного Мухаммада Шайбânî-хана и невысокая оценка сына и племянников последнего.

Обрадованный таким приемом у казахского хана, «Джâнибек-султан начал возносить мольбы и хвалы Всевышнему, а потом сказал: «Кроме Дома Чингиз-хана, нет у нас иного прибежища и убежища, и мы всегда приходили и приходим к этому порогу! Ведь в крайнем случае гератцам всегда приходилось бежать и в Самарканд, и к киргизам, и в Багланскую крепость!»» [2, с. 485].

И это действительно так. Не только более близкие к Хорасану (основной области, из-за которой шли войны между узбеками и кызылбашами) районы Мâварâ'-н-нахра (Бухара и Самарканд), но и «киргизские горы», и бескрайняя Степь (Дашт), из которой вышли не так давно кочевые узбеки, становились при наступлении иранских войск со стороны Хорасана местом убежища для отступающих Шибанидов – в том числе и потому, что это были области, правителями которых были ханы и султаны – Чингизиды.

«Тогда Кâсим-хан приказал, чтобы из каждой степной семьи приготовился к походу один человек. Семьсот тысяч человек явились по его приказанию, и встали перед шатром хана. А в это время шатры Кâсим-хана были разбиты на летовке на берегу реки Идил (Итиль), где много травянистых лугов и источников проточной воды, и добираться туда по стране Кâсим-хана нужно целый год. Короче говоря, семьсот тысяч человек выстроились перед взором Кâсим-хана, и он отобрал из них сто шестьдесят тысяч человек, у каждого из которых было боевое снаряжение и киргизская лошадь» [2, с. 485].

Еще один пассаж, раскрывающий представление анонимного автора *‘Алам-âра-йи Шâх Исма‘ул* масштабах Казахского ханства и численности его населения. Семьсот тысяч джигитов – по одному от «каждой степной семьи» – создают картину не только несметного резервного войска, из которого можно выделить боеспособную армию в сто шестьдесят тысяч отборных воинов, но и еще более многочисленного народа, сумевшего по приказу хана выделить из своей скотоводческой массы такое большое число мужчин. Конечно, преувеличение, подчас совершенно гиперболическое, числа воинов противника в предвзятых источниках чаще всего дается для приукрашивания победы над таким сильным врагом, и, тем не менее, совсем на пустом месте такие цифры возникнуть не могли. Интересен и географический момент – летовка на Едиле (Волге) и измеряемое временем расстояние до нее, которое предполагает, что и военный сбор мог произойти не в одночасье, и подготовка похода казахского войска против иранцев должна была занять достаточное время.

О могуществе Казахского ханства периода правления Касым-хана и значительной численности его населения, о 200-300 тысячном казахском войске, о включении в состав казахского государства междуречья Едила (Волги) и Яика (Урала) известно как из восточных, так и западных источников [12, с. 212, 271 (л. 158а); 13, с. 22; 9, с. 132, 223, 227, 353; 11, с. 324; 14, с. 166-170; 15, с. 53-58; 16, с. 183; 17, р. 90].

Следующий отрывок еще раз показывает Касим-хана как человека, который умеет судить о достоинствах противника и признавать их. Сефевидский источник, в целом являющийся совершенно апологетическим в отношении своего героя, шаха Исма‘ула I, произносит похвалу в адрес иранского «вундеркинда» устами казахского хана:

«[Кâсим-хан] сказал Абу-л-Хайр-хану: «Сынок! Я хочу, чтобы ты взял в плен этого Сына Шайха, и привел его ко мне! Хочу посмотреть, откуда столько силы и мощи у этого двадцатипятилетнего парня! Ведь он несколько раз сумел победить на поле боя? Убайд-хана, с его-то хитростью и коварством, и это он убил Шâхибек-хана и отослал череп его царю Рума [Османскому султану], а [отрубленную] руку – Рустаму, падишаху Мазандарана. Воистину, стоит увидеть такого человека!!!» [2, с. 485].

В приведенном в сочинении между собой казахский хан и его сын переводят разговор совершенно в иную плоскость по сравнению с тем, что было сказано раньше, в разговоре с Шибанидом Джâнибек-султаном. Поход казахского войска против иранцев рассматривается уже не как отмщение за Чингизидов Мâварâ'-н-нахра («узбеков», «узбекских султанов», как называют их в источнике) или смывание их «позора», а как, с одной стороны, противопоставление одному «мальчишке» другого

храброго и самоуверенного «мальчишки», сына Касим-хана, а, с другой стороны, как единственный способ доказательства, что именно он, сын казахского хана (а не узбекские султаны), является истинным наследником Чингиз-хана и наиболее достойным правителем всего Туркистана:

«Абу-л-Хайр-хан воскликнул: «Если я не нанесу Сыну Шайха поражение, не вырву его из седла как мальчишку и не привезу к хану, то я – не сын Касим-хана!»

На что Касим-хан сказал: «Я уверен, что ты это сделаешь! Но если ты захватишь Сына Шайха в плен, то ты будешь назначен [мною] правителем всего Туркистана. Тогда я буду знать, что ты – мой сын, который станет настоящим преемником Чингиз-хана!»

После этого он отпустил Джанібек-султана, передав с ним халаты для Мухаммад-Тимур-хана и 'Убайд-хана, и тот отправился в путь вместе с Абу-л-Хайр-ханом и степным войском» [2, с. 485].

Учитывая сказанное выше о масштабах территории Казахского ханства и времени, необходимом для собирания и подготовки войска к походу, можно предположить, что пребывание Джанібек-султана в ставке Касим-хана длилось не один месяц.

Таковы первые данные малоизвестного персидского источника по средневековой истории Казахстана. Уже можно определенно говорить, что *'Алам-ара-йи Шах Исма'ил* представляет значительный интрес для изучения истории казахов и казахской государственности на рубеже XV – XVI веков, особенно в аспектах участия казахов как в междоусобной борьбе среднеазиатских правителей, так и в войнах последних с внешним противником в лице новой региональной державы – иранского государства Сефевидов. Это своеобразный источник, опирающийся как на письменную, более проверенную и проверяемую, информацию, так и на устную, которой присуще свойство полуполюгендарности. Разговорный стиль источника и склонность автора к нарративу с помощью диалога местами придают этому сочинению характер исторической повести или, как говорит первый издатель сочинения, Асгар Мунтазар Сахиб, характер «эпического жизнеописания». Этому сочинению, входящему в корпус сефевидской историографии, свойственно апологетическое отношение к основателю Сефевидского государства. Но это не означает, что противники Сефевидов изображаются в этой летописи черными красками. За перипетиями сложной, многоходовой борьбы за власть, которая шла в регионе в послетимуридскую эпоху, перед тем, как возникла новая конфигурация в виде треугольника Бухарское ханство – империя Великих Моголов – Сефевидская держава, проступают яркие человеческие характеры со своей жизненной драмой. Более значительные и совсем мелкие, более известные и совсем неизвестные эпизоды этой борьбы описываются в книге, действие которой разворачивается, в том числе, и на территории Средней Азии, и на широкой северной границе Средней Азии – в Степи. Казахские ханы и султаны, как и предводительствуемые ими простые казахские воины, принимали, судя по данным источника, достаточно активное участие в этой борьбе, причем решая не только малые задачи контроля за пограничными районами и укрепления своих позиций в районе присырдарьинских городов и Ташкента, но и более масштабные стратегические задачи. Правитель Казахского ханства Касим-хан изображен в источнике как «настоящий наследник Чингиз-хана», масштабная, властная, сильная политическая фигура с огромными амбициями, а его страна – как бескрайняя держава, населенная многочисленным населением, способным собирать огромные армии. Большую роль играет в описываемых событиях и сын Касим-хана, его правая рука, храбрый полководец Абу-л-Хайр-хан, о котором другие источники по каким-то причинам умалчивают. Сведения источника говорят о могуществе Казахского ханства и более высоком уровне его влияния на региональные дела, чем представлялось из источников позднейшего времени. Работа по переводу и изучению *'Алам-ара-йи Шах Исма'ил* продолжается, и мы надеемся на получение новых интересных данных, связанных с историей Казахстана.

Литература

1 Стори Ч.А. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Ч. II. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1972. – С. 694-1314.

2 *'Алам-ара-йи Шах Исма'ил*, 1384/2005 – *'Алам-ара-йи Шах Исма'ил*. Предисловие, комментарий и приложения: Асгар Мунтазар Сахиб. Шираз, 1349/1971. 2-е издание. – Тегеран, 1384/2005.

3 Ross D. The early Years of Shah Ismail, founder of the Safawi Dynasty // Journal of the Royal Asiatic Society, – London, 1896. Vol. 29. P. 249 -251.

4 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Пигулевская Н.В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А. – М. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 391 с.

5 Экаев О. Туркменистан и туркмены в конце XV – первой половине XVI в. (По данным «Алам ара-йи Сефеви»). – Ашхабад: Ылым, 1981. – 144 с.

- 6 Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. – Баку: Элм, 1981. – 306 с.
- 7 Юсупова Д. Ю. Творческое наследие Хондамира как источник по истории культуры Центральной Азии XV-XVI вв.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н.: Спец. 07.00.09 / Акад. наук Респ. – Ташкент, 2001. – 67 с.
- 8 Фарзалиев Ш.Ф. Сочинение Хасан-бека «Ахсан ат-таварих» как источник по истории Азербайджана. Автореф. канд. дисс. – Баку, 1974. – 34 с.
- 9 Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин (МИКХ). – Алма-Ата: Изд.-во Академии Наук Казах. ССР, 1969. – 652 с.
- 10 Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса. – Москва: Восточная литература, 1976. – 106 с.
- 11 Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой, 2-е издание дополненное. – Алматы: Санат, 1999. – 656 с.
- 12 Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (СМИЗО). – М.-Л.: Изд.-во: Академии Наук СССР, 1941. – 308 с.
- 13 Бабур-наме. Записки Бабур. Пер. М. А. Салье. – Ташкент: Изд.-во АН УзССР, 1958. – 530 с.
- 14 Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.
- 15 Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в. – Алматы: Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, 2004. – 160 с.
- 16 A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Edited by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). Baroda: Oriental Institute, 1931. Vol. I (Persian Text).
- 17 A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Translated by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). – Baroda: Oriental Institute, 1934. Vol. II (English Translation).

References

- 1 Stori Ch.A. Persidskaia literatura. Biobibliograficheskii obzor. Per. s angl., pererab. i dop. lu. E. Bregel'. Ch. II. – М.: Nauka, Gl. red. vostochnoi literatury, 1972. – S. 694-1314.
- 2 'Alam-ara-ii Shakh Isma'ul, 1384/2005 – 'Alam-ara-ii Shakh Isma'ul. Predislovie, kommentarii i prilozheniia: Asgar Muntazar Sakhib. Shiraz, 1349/1971. 2-e izdanie. – Tegeran, 1384/2005.
- 3 Ross D. The early Years of Shah Ismail, founder of the Safawi Dynasty // Journal of the Royal Asiatic Society, – London, 1896. Vol. 29. R. 249 -251.
- 4 Istoriia Irana s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. Pigulevskaia N.V., Iakubovskii A. lu., Petrushevskii I.P., Stroeva L.V., Belenitskii A. – М. – Л.: Izd.-vo LGU, 1958. – 391 s.
- 5 Ekaev O. Turkmenistan i turkmeny v kontse XV – pervoi polovine XVI v. (Po dannym «Alam ara-ii Sefevi»). – Ashkhabad: Ylym, 1981. – 144 s.
- 6 Efendiev O. Azerbaidzhanskoe gosudarstvo Sefevidov. – Baku: Elm, 1981. – 306 s.
- 7 Iusupova D. Iu. Tvorcheskoe nasledie Khondamira kak istochnik po istorii kul'tury Tsentral'noi Azii XV-XVI vv.: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d.ist.n.: Spets. 07.00.09 / Akad. nauk Resp. – Tashkent, 2001. – 67 s.
- 8 Farzaliev Sh.F. Sochinenie Khasan-beka «Akhsan at-tavarikh» kak istochnik po istorii Azerbaidzhana. Avtoref. kand. diss. – Baku, 1974. – 34 s.
- 9 Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV-XVIII vv. (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii). Sostaviteli: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Iudin (MIKKh). – Alma-Ata: Izd.-vo Akademii Nauka Kazakh. SSR, 1969. – 652 s.
- 10 Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. Mikhman-name-ii Bukhara (Zapiski bukharskogo gostia). Perevod, predislovie i primechaniia R. P. Dzhaliilovoi. Pod redaktsiei A. K. Arends. – Moskva: Vostochnaia literatura, 1976. – 106 s.
- 11 Mukhammed Khaidar Dulati. Tarikh-i Rashidi. Perevod s persidskogo iazyka A. Urunbaeva, R. P. Dzhaliilovoi, L. M. Epifanovoi, 2-e izdanie dopolnennoe. – Almaty: Sanat, 1999. – 656 s.
- 12 Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. II. Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym (SMIZO). – М.-Л.: Izd.-vo: Akademii Nauk SSSR, 1941. – 308 s.
- 13 Babur-name. Zapiski Babura. Per. M. A. Sal'e. – Tashkent: Izd.-vo AN UzSSR, 1958. – 530 s.
- 14 Sultanov T. I. Podniatyie na beloi koshme. Potomki Chingiz-khana. – Almaty: Daik-Press, 2001. – 276 s.
- 15 Isin A.I. Kazakhskoe khanstvo i Nogaiskaia Orda vo vtoroi polovine XV-XVI v. – Almaty: Institut istorii i etnologii imeni Ch. Ch. Valikhanova, 2004. – 160 s.
- 16 A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Edited by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). Baroda: Oriental Institute, 1931. Vol. I (Persian Text).
- 17 A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Translated by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). – Baroda: Oriental Institute, 1934. Vol. II (English Translation).

Н.Ә. АТЫҒАЕВ
(Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология Институты директорының
ғылыми жұмыстар бойынша орынбасары, т.ғ.к., доцент)

З.А. ДЖАНДОСОВА
(т.ғ.к.)

XVI ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНА ҚАТЫСТЫ ЖАҢА ДЕРЕК:
'ĀLAM-ĀRĀ-YĪ SHĀKH ISMĀ'ĪL SHYFARMASYN ZERTTEUDĪŇ
ALFAШҚЫ НӘТИЖЕЛЕРІ

Түйін

Жұмыста XVI ғасырдағы Қазақстан тарихына қатысты парсы тілінде жазылған '*Ālam-āra-yi Shākh Ismā'īl*' еңбегінен алынған деректер ғылыми айналымға енгізіледі. Аталып отырған еңбектің авторы белгісіз, шығарма Сефевидтік тарихнамаға жатады. Мында да Қазақ хандығының Қасым-хан заманындағы керші мемлекеттер мен халықтармен ара қатынасын, олардың қазақ мемлекеті туралы кезқарастарын білдіретін '*Ālam-āra-yi Shākh Ismā'īl*' еңбегінен аудармалар келтірілген.

Түйін сөздер: Қазақстан, қазақтар, Иран, Сефевидтер, жазбаша деректер, Шыңғысхан ұрпағы, Жошы әулеті, Шибын әулеті, Жошы Ұлысы, Қазақ мемлекетті, Қазақ хандығы, Қасым хан, Исмаил-шах, езбектер.

N. A. ATYGAYEV
(Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov,
Deputy Director on Science, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor)

Z.A. DZHANDOSSOVA
(Candidate of Historical Sciences)

THE NEW SOURCE ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN OF THE XVI CENTURY:
THE PRELIMINARY RESULTS OF STUDYING
THE 'ALAM-ARA-YI SHAKH ISMAIL'

Summary

In this paper the author is introducing to scientific turn the material of the little known writing "Alam-ara-yi Shakh Ismail" (in Persian) on the Kazakhstan's history of the XVI century. The writer of this work is unknown, and the source is related to Sefevid historiography. In the present paper the preliminary results of this historical sources' studying are shown. Some translations-extractions from "Alam-ara-yi Shakh Ismail" are given (the ones that reflect relations of Kazakh Khanate of Kassym Khan period with neighbour people and states, and ideas of neighbours about the Kazakh state).

Keyword: Kazakh, Iran, Sefevids, written sources, Chingissids, Juchids, Shibanids, Juchi Ulus, Kazakh statehood, Kazakh Khanate, Kassym Khan, Ismail Shakh, Uzbeks.